

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-185-203>
<https://elibrary.ru/CKOEDI>

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 821.054.7.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. В.Т. Андреева

Мотив путешествия по усадебному дому в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба»¹

Аннотация: В статье рассматривается мотив путешествия по дому и комнате в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (1934–1952). Отмечается глубинная связь данного мотива с усадебной топикой. Мотив пути содержит множество перекрещивающихся реализаций и невозможен без представления о тех местах, которые оставляются (часто это усадьбы), и о тех, которые посещаются в путешествии. Анализируется один из ключевых во всей тетралогии эпизодов путешествия Глеба и Сони по комнате, показывается его значение и функции, связь с литературной традицией, ее творческое освоение писателем. Доказывается, что Глеб в этом условном путешествии проходит своеобразный обряд инициации. Игра переходящего во взрослость Глеба соотносится с одной из игр его детства, приобретая множество скрытых смыслов. Рассматривается значение этого символического действия в судьбе Глеба, которое обусловлено жизнью в усадьбе, наличием усадебной истории семьи, предпринятым до этого путешествиям по дому и комнатам, а также богатым воображением героя. Отправляясь в путешествие по комнате, Глеб понимает, что его человеческая и писательская судьба не в руках редактора-народника, который отверг его статью, но в руках Бога. В статье проводится параллель между символическим путешествием Глеба и другими перемещениями, явными и условными: от странствия героя книги Ксавье де Местра «Путешествие по моей комнате» до «будто-путешествия» Михаила Алпатова — героя романа М.М. Пришвина «Кашеева цепь» (1927), отмечается сходство эпизодов в указанных произведениях.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, мотив путешествия, «усадебный топос», усадебная повседневность, путешествие по комнате, инициация, М.М. Пришвин, автобиографический герой.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>
E-mail: lanfra87@mail.ru

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В.Г. Мотив путешествия по усадебному дому в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 185–203. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-185-203>

© 2024. Valeria G. Andreeva

The Motif of Traveling around the Estate House in B.K. Zaitsev's Tetralogy "Gleb's Travels"²

Abstract: The article examines the motif of traveling around the house, traveling around the room in B.K. Zaitsev's tetralogy "Gleb's Travels" (1934–1952). The deep connection of this motif with the estate theme is noted. The motif of the path contains many intersecting realizations and is impossible without the idea of different places — the place that is left (often an estate), and those visited on the journey. The author of the article analyzes one of the key episodes in the entire tetralogy of Gleb and Sonya's journey around the room, shows its meaning and functions in the tetralogy. The connection of this episode with the literary tradition and its creative development by the writer are noted. It is proved that Gleb undergoes a kind of initiation rite on this conditional journey. The game of Gleb, who is transitioning to adulthood, correlates with one of the games of his childhood and acquires many hidden meanings. The significance of this symbolic action in the fate of Gleb is examined, it is stated that it was able to take place thanks to life in the estate, the presence of the estate history of the family, previously undertaken trips to the house and rooms, as well as Gleb's rich imagination. Going on a journey around the room, Gleb understands that his human and literary fate is not in the hands of the populist editor who rejected his article, but in the hands of God. The article draws an interesting parallel between Gleb's symbolic journey and other journeys: from the journey of the hero of the book "A Journey Through My Room" by Xavier de Maistre to the "as if a journey" of Mikhail Alpatov, the hero of the novel "Kashcheev's Chain" by M.M. Prishvin, the similarity of the episodes in the indicated works.

Keywords: B.K. Zaitsev, Travel Motif, "Estate Topos", "Estate Everyday Life", Traveling around the Room, Initiation, M.M. Prishvin, Autobiographical Hero.

Information about the author: Valeria G. Andreeva — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

---

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva, V.G. “The Motif of Traveling around the Estate House in B.K. Zaitsev’s Tetralogy ‘Gleb’s Travels’.” *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 185–203. (Series: “Russian Estate in a Global Context”, issue 8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-185-203>

Автобиографическая тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (1934–1952) посвящена описанию прошедшего: читатель четырех романов Зайцева («Заря»; «Тишина»; «Юность»; «Древо жизни») наблюдает жизнь Глеба с детского возраста и до зрелости, до той поры, когда вступает в совершеннолетие дочь героя и умирает его мать.

«Путешествие Глеба» — это и семейная тетралогия: Зайцев показывает нам не только Глеба и его путь, но и его род, иллюстрирует, что Глеб — это часть семьи, что в его личности проявляются сильные и слабые стороны, определяемые наследственностью, воспитанием, нахождением в семейной атмосфере. Сказанное способствует выдвижению на первый план в тетралогии образа жизни родителей Глеба, дворянского усадебного бытия, идеалы и примеры которого были дороги Зайцеву. Основные смыслы и функции образа усадьбы в тетралогии обобщенно показаны Н.И. Пак в статье «Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева “Путешествие Глеба”»³. Исследовательница уделяет немалое внимание усадебному дому, матери Глеба, любовным объяснениям героев на лоне природы, показывает, что «усадебный топос любви получает новый смысловой статус в произведении Зайцева, переводя его в план онтологический»⁴. Пак справедливо связывает с образом усадьбы и дома мотив духовного движения Глеба, его роста, самоощущения (определяющим в бытии Глеба «становится не социально-исторический аспект жизни усадьбы, а та духовная составляющая жизни человека, которая позволяет создать “Вертоград заключенный”»⁵), становления — путешествия по жизни.

Однако, несмотря на обозначенные исследовательницей общие положения, касающиеся «усадебного топоса» в тетралогии, за пределами ее внимания осталось еще множество важных смыслов, в том числе *мотив путешествия по усадьбе*, усадебному дому и, в частности, — *мотив пу-*

---

³ См.: Пак Н.И. Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 225–234.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ Там же.

тешествия по комнате. На первый взгляд, выделение этого мотива условно, так как он включается в более широкий в рамках произведения мотив путешествия. В самом деле, образ путешествия обозначен как ключевой самим автором, так как вынесен в заглавие тетралогии — «Путешествие Глеба»: «Идея движения заключена уже в самом названии романа, при этом понятие путешествия включает в себе емкий смысл, характеризуется многозначностью»⁶. Ученые сходятся во мнении, что путешествие Глеба происходит как в пространственно-временном плане, так и в области духовного роста: перемещения по России, а потом и по миру связываются с идеей совершенствования:

Действительно, духовное становление и взросление Глеба определяются и конкретными пространственными перемещениями, обусловленными перипетиями его жизненного пути, и самой идеей пути, принципиальной для автора и дающей возможность художественного осмысления интенций персонажа под «видом» Вечности⁷.

Мотив пути и путешествия содержит у Зайцева множество перекрещивающихся реализаций, а сам образ пути невозможен без представления о тех местах, которые оставляется или посещаются во время путешествия:

Для того чтобы осознать себя путешествующим (путешественником), человек должен ощутить себя оседлым, живущим на одном месте и получающим от этого образа жизни все необходимое для жизни⁸.

Идея же оседлости в тетралогии Зайцева неразрывно связана с «усадебным топосом» и организацией усадебного существования. В.В. Компанеец справедливо отмечает, что в «Путешествии Глеба» все начинается с дома и возвращается к мысли о доме; писатель дает нам понять, что в сознании главного героя с самых ранних лет формируется первостепенная ценность усадебного образа жизни:

---

⁶ *Компанеец В.В.* Герой, дом, путь в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 38.

⁷ *Жаравина Л.В., Лазарев А.А.* Духовная картография Б.К. Зайцева: Иеротопия в тетралогии «Путешествие Глеба» // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2021. № 2 (155). С. 183.

⁸ *Беккер И.Л.* Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способ самопознания и бытия человека // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 7.

Более всего мифологема дома связана с детством, первыми непосредственными впечатлениями о мире и о том конкретном месте, где под воздействием всего домашнего, двора, окружающей природы формировался внутренний мир личности. Темы и мотивы *дома*, как правило, требуют воспоминаний, и эти воспоминания чаще всего окрашиваются в светлые, идиллические тона и краски⁹.

Н.И. Пак пишет, что, в отличие от произведений, описывающих наследственные или благоприобретенные владельческие усадьбы, в «Путешествии Глеба» мы видим преимущественно усадьбы *ведомственные* — места службы отца Глеба и жительства всей его семьи. Также исследовательница констатирует: «Были и благоприобретенные имения с усадьбами: Будаки под Калугой, куда вывозили детей на летний период (впоследствии продано), и, наконец, имение с усадьбой в Тульской губернии, где упокоился отец писателя»¹⁰. Обратим внимание на то, что в романистике Зайцева вопрос о владельческом или ведомственном статусе усадеб, безусловно, имеет значение для героев, но отнюдь не решающее.

Мотив путешествия по усадьбе реализуется Зайцевым в ряде значимых примеров, однако понимание их глубинного смысла приходит к читателю только после ключевого эпизода путешествия по комнате Глеба с Соней-Собачкой, который раскрывает нам своеобразие героя и его семьи, сложную художественную и философскую направленность размышлений Глеба. Кульминационный эпизод путешествия по комнате с Собачкой становится возможным благодаря всему предшествующему усадебному пути героя, вместе с тем являясь для него обрядом инициации.

Предваряя анализ эпизода путешествия по комнате и перемещений Глеба по усадебному дому в целом, необходимо сказать о возможных литературных истоках указанных мотивов. По всей видимости, Зайцев ориентировался на чрезвычайно популярное в Европе и в России «Путешествие по моей комнате» писателя-франкофона Ксавье де Местра (1794). По наблюдению В.А. Слободиной, книга «переиздавалась на протяжении всего XIX века» и оказала влияние на многих русских классиков, в том числе на Пушкина¹¹. Внимание писателей XX в. могло привлечь следующее:

---

⁹ *Компанец В.В.* Герой, дом, путь в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». С. 40.

¹⁰ *Пак Н.И.* Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». С. 226.

¹¹ *Слободина В.А.* «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра в творческом осмыслении А.С. Пушкина // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 134.

Комната, по которой «путешествует» рассказчик, становится своего рода персонажем произведения. Окружающая героя обстановка воспринимается как подлинная, действительно существующая. Читателя не покидает ощущение, что Местр описывает интимно близкий, прекрасно известный ему мир — свой собственный мир¹².

В книге Ксавье чувствуется двойственное отношение к путешествию по комнате, так как автор совершал его вынужденно, пребывая под домашним арестом в течение 42 дней. Поэтому, с одной стороны, она позволяет найти радость в окружающих вещах и осознать ценность собственной комнаты, которая для человека с хорошим воображением может стать подобием мира, с другой — демонстрирует, что заключение в четырех стенах полезно лишь на время, человеку требуется расширение жизненного пространства, без реальных впечатлений и настоящего опыта невозможно и путешествие по комнате.

На рубеже XIX–XX вв. книга Ксавье де Местра была почти забыта широким читателем, однако в контексте «усадебной» литературы она обрела новый смысл. Речь идет о случаях безвыездного проживания дворян в своих усадьбах, в особенности тех, кто был одарен художественными талантами (писателях, живописцах и проч.). Во-первых, такая ситуация нередко была вызвана социально-экономическими причинами: материальное оскудение не позволяло многим дворянам совершать поездки не только в Европу, но и по России. Во-вторых, для части помещиков усадьбы стали маленькими крепостями, укрепленными не столько физически, сколько ментально: так они пытались отгородиться от быстро меняющегося мира, где на первый план выходили неприемлемые для них ценности. Ведь

приватный мир дома зачастую дефинируется как противоположность жесткому конкурентному миру публичности: сферам политики и экономики, базирующимся на стремлении к власти и выгоде, конкуренции и расчете. В качестве атрибутов приватного пространства, противопоставляемых публичному, называют защищенность и надежность, теплоту и укромность, а также возможность уединения благодаря наличию «комнаты для себя»¹³.

---

¹² Там же. С. 135.

¹³ Чеснокова Л.В. «Комната для себя»: локальный аспект приватности // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 1. С. 58.

Для одаренных людей, склонных к усидчивой кабинетной работе, усадебное существование имело особую ценность. Автобиографический герой Зайцева в данном случае является хорошим примером. В силу творческого склада личности и приверженности семейным ценностям, Глеб воспринимает усадьбу как часть себя самого. С одной стороны, натура героя жаждет выхода в мир и новых впечатлений, с другой — ее лучшие качества связаны с усадебной жизнью, с той комнатой, в которой автор создает свои произведения и которая укрывает его от потрясений, отнимающих творческую энергию.

Обратимся к ключевому эпизоду тетралогии Зайцева — путешествию Глеба и Сони по комнате — и покажем его место в структуре произведения. Путешествию предшествует огорчение героя, который с нетерпением ждет письма от редактора-народника о судьбе своей рукописи. В тот момент, когда Глеб узнает, что рукопись «не одобрена», он с юношеским максимализмом готов поставить крест на себе и на собственной жизни:

Глеб лег на диван, закрыл глаза. Едко и жестоко ныло сердце. Да, и тут пролетел, как раньше в рисовании и живописи. Все равно, пусть и на экзамене провалится, один конец: не удалось, не удалось... Жизнь не удалась — ну и Бог с ней. <...> Что же. Это его доля. Жизнь пройдет быстро. И, конечно, в страданиях. Никому до этого дела нет. Вот он, Глеб, бездарный художник, бездарный писатель, лежит сейчас на диване, но никто никогда не узнает, что он чувствует и к чему стремится. Ах, если бы вот взять, вздохнуть... — и не проснуться¹⁴.

Но призываемая героем смерть не приходит; кризис миновал, за ним должно последовать очищение и преображение. Однако для выхода из уныния Глебу необходимо совершить активные, масштабные, имеющие значительный вес действия. Более того, вслед за моментом наивысшего отчаяния и эгоистического малодушия Глеб вновь ощущает себя членом семьи, участником большого общего движения: «...жизнь, таинственный поток, в котором плыл и он, и Лиза, мать, отец, Москва, Россия — продолжался»¹⁵. Масштаб жизненного путешествия расширяется, герой не может оставаться пассивным, лежать. Он совершает некий обряд, сходный с его детской игрой, но теперь вмещающий новые смыслы.

Глеб путешествует по комнате примерно так же, как когда-то путешествовал герой Ксавье де Местра:

---

¹⁴ Зайцев Б.К. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. С. 367.

¹⁵ Там же.

Мое путешествие, однако, частенько длиннее, потому что я пересекаю комнату часто в длину и ширину или же по диагонали, не следуя никакому правилу, ни методу. Я часто делаю даже зигзаги, и я прохожу всеми возможными геометрическими линиями, если этого требует необходимость <...>.

Итак, когда я вояжирую по моей комнате, я редко хожу по прямой линии: я хожу от стола к картине, которая помещена в одном углу; оттуда я отправляюсь по косой, чтобы достичь дверей; но хотя при моем отправлении мое намерение было четким, если мне попадается в пути кресло, я не упрямяюсь, а, не задумываясь, тут же плюхаюсь туда¹⁶.

И если персонажа Ксавье заставляет «пускаться в путь» тяжесть принудительного одиночества, то для Глеба путешествие — спасение от давящей на него реальности и мучительных размышлений о неудачах. При этом пространство комнаты мысленно расширяется героем до иного, широкого мира — неведомого, дикого:

Встал, снял пиджак, снял ботинки, оглянулся — в зеркале увидел побледневшее лицо с блестящими (точно бы небольшой жар) глазами. Медленно, чуть приседая, стал красться вдоль стены, потом на диван — вроде леопарда в штатском — прижимаясь к спинке его. Это ему нравилось. Это было хорошо. Раздирало сердце, но и раздирание такое утешало¹⁷.

В процессе путешествия в комнату к Глебу стучится его подруга детства Соня, прозванная Собачкой. Ее голос для Глеба прочно связан с детством. Глеб впускает родную ему по духу Собачку, которой не нужно долго объяснять, чем он занимается. Итак, к герою приходит человек, который ему наиболее нужен в ключевой момент жизни, который может его понять:

Глеб, Глеб, ты тут в одиночестве распространяешься? <...>

— Я путешествую.

— Как так?

— Странствую. Вот в этой комнате.

Он сделал рукою кругообразный жест.

— Зачем же это?

— Мне так нравится.

---

¹⁶ *Ксавье де Местр* Путешествие вокруг моей комнаты / пер. с фр. яз. и вступ. ст. Ф.И. Смирнова. М.: Грейта, 2003. С. 58.

¹⁷ *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. С. 367.

— Глебочка, ты на четвереньках?

Собачка спросила таким тоном, точно на четвереньках — самое обычное, точно все происходит в Устах и в детстве. Так же спокойно и Глеб ей ответил:

— Нет, не на четвереньках. Но вот башмаки снимаю. Чтобы диван не замарать — тут у меня и дорога по дивану¹⁸.

Собачка тоже снимает обувь, символическое путешествие продолжается, а после него все для героя встает на правильные места — Глеб вырастает и мужает. Обратим внимание на то, что Зайцев прямо называет путь героя *путешествием*, причем это наименование вложено в уста самого Глеба.

Важно, что Глеб в чем-то повторяет свою детскую игру:

Глеб в детстве счастлив. Но читатель чувствует, что в будущем Глебу предстоит нечто значительно менее идиллическое: повествование напоминает реку, которая дрожит и пенится задолго до того, как переходит в водопад¹⁹.

Обращение в сложной жизненной ситуации к детской игре способствует выходу из тупика, привносит в существование героя усадьбное спокойствие и благодать. Семья Глеба живет в это время в Москве, в большой городской усадьбе. В описаниях интерьера дома, комнат и мебели Зайцев добивается почти визуального эффекта:

Снят особняк на Чистых прудах — не из роскошных, но просторный, с садом. Заново обставлен — у отца гнутая мебель (обивка бордо, с шпешечками), в гостиной зеленая плюшевая, в столовой мореный дубок и матовый полусар электрический на потолке — света много²⁰.

Писатель подчеркивает, что мать Глеба (определявшая дух и общую обстановку дома) с удовольствием занималась разными хозяйственными мелочами, воспринимая их не как бытовые сложности или «бесконечные пустяки хозяйства», но как «жизнь, крепкое ее сложение: “гнездо”, мать эти гнезда ценила»²¹.

---

¹⁸ Там же. С. 367–368.

¹⁹ *Адамович Г.* Борис Зайцев // *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 7. С. 450.

²⁰ *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. С. 351.

²¹ Там же.

Зайцев инверсирует прием синекдохи — в отличие от «дворянского гнезда» как единственного родового дома, он говорит о «гнездах» — домах, в которых жила семья Глеба и приспособлявала их для себя. Порой героям тяжело прощаться с домами, где прожита часть жизни, однако семья переселяется и создает новые «гнезда». Вслед за Л.Н. Толстым Зайцев показывает, что «атмосфера городского усадебного дома определяется не стенами и дверьми, а населяющими его людьми»²².

Таким образом, организуя в съёмной городской усадьбе свою детскую игру, Глеб связывает настоящее и прошлое. Обратит внимание на бережное отношение к вещам и символический обход препятствий во время игры: Глеб и Собачка разуваются, идут по дивану, огибают мебель.

Чтобы игра в путешествие по усадебной комнате состоялась, герою необходима тренировка воображения как способности представить комнату другим пространством. Импульс для развития фантазии был дан Глебу в усадебном детстве. Буквально в первых строках тетралогии писатель показывает нам двухэтажный барский дом и своего маленького героя:

Вставши, умывшись, в деревенской своей курточке стоит он на галерее стеклянной второго этажа — *просто на минуту приостановился*, прежде чем спускаться в сад пить чай (Курсив мой. — В.А.)²³.

Здесь авторское «приостановился» указывает на созерцательный потенциал ребенка. Не менее важно для будущего символического путешествия Глеба по комнате отношение к нему отца в раннем детстве. В начале романа «Заря» читатель видит кабинет отца глазами маленького Глеба:

Комната же полна была горячим летним светом, опять виднелся в окне Высоцкий заказ, пахло отцом, сапогами его, стоявшими у постели, табаком, стружками от верстака и токарного станка, столярным клеем: это отцова мастерская²⁴.

Но вот Глеб будит отца, и происходит путешествие по его комнате — отец сажает мальчика на плечи:

Глебу было любопытно видеть мастерскую с птичьего полета, и он улыбался радостно, но сдержанно и как бы вежливо: не любил открыто

²² Андреева В.Г. Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 151.

²³ Зайцев Б.К. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. С. 27.

²⁴ Там же. С. 30.

выражать чувства. Весьма не прочь был бы прокатиться на отце и по другим комнатам, что нетрудно было сделать, но поступил иначе²⁵.

На протяжении тетралогии автор не раз описывает путь Глеба по дому, его перемещение из комнаты в комнату, созерцание разных предметов:

Он вышел из спальни, прошел комнату девочек. В гостиной Лиза, с блестящими глазами, устремленными на ноты, в волнении и азарте вела свою партию. Лота деловито барабанила в басах. Он прошел еще небольшую комнату, куда выходила снизу лестница. Спустился, вошел в темный кабинет отца. Здесь знал все наизусть, прошел мимо письменного стола, лег на турецкий диван пестро-красной материи. Над головой, на рогах, висели ружья, патронташи, ягдташ, пороховница — все родное и приятное²⁶.

С одной стороны, перед нами усадьбная повседневность Глеба и его семьи: все вещи на своих местах, все движется по заранее установленному порядку, который организован по большей части родителями, у каждого в доме есть свои права и обязанности.

Неотъемлемой частью полноценного дома является то обстоятельство, что каждый из субъектов, составляющих основу Дома и Семьи — отец, мать, дети — неукоснительно выполняют все свои «ролевые» обязанности по отношению друг к другу и к Дому, тем самым защищают Дом от беды, которая приходит с ложью и обманом²⁷.

С другой стороны, как человеку, склонному к духовной работе и внутреннему росту, Глебу необходимы новые впечатления. Несмотря на уважение родителей, глубокую любовь к матери, Глеб иногда рад собственному одиночеству, которое побуждает его к творчеству, к размышлениям:

Он прошел в гостиную, оттуда в столовую. Никого. Мать, очевидно, тоже ушла. Он совсем один. Глебу это понравилось. Он несколько раз молча прошелся по комнатам взад-вперед. Вдалеке снежной лентой виднелась Ока...²⁸

---

²⁵ Там же. С. 31.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ *Коковина Н.З., Степанова Н.С.* Проблема самоидентификации личности в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Ученые записки Российского гос. социального ун-та. 2011. № 4 (92). С. 166.

²⁸ *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. С. 172.

Условное путешествие внутри комнаты способствует обогащению восприятия героя:

В психологическом плане путешествие привлекательно тем, что позволяет человеку выйти за грань повседневности, изменяет его обыденное восприятие и сознание. В путешествии человек ощущает и себя, и мир не так как обычно. Такое изменение «угла зрения» раскрывает перед человеком новые грани бытия²⁹.

Путешествие спасает от обывательски ровного течения времени, расширяет внутренний горизонт, побуждает к сравнению мест. И пусть маршрут Глеба проложен по комнате — взгляды его после символического путешествия и разговора с Собачкой меняются: он понял, как стать хорошим писателем.

Связь Глеба со своим родом, семьей, особенно с матерью, чрезвычайно сильна, порою настолько, что герой кажется младше своих фактических лет. При этом мать, заботясь о сыне, избегает излишнего контроля. Зайцев создает в произведении образы родителей-хранителей:

Маленькому Глебу кажется, что отец и мать — любящие благодетельные силы, охраняющие его от всяких тревог и несчастий. Кажется это ему не случайно и не напрасно. Вокруг — такое устоявшееся спокойствие, что родители действительно в состоянии играть роль добрых божеств³⁰.

Сопровождаемый опекой любящих людей, привыкший к поддержке с их стороны, Глеб в трудную минуту нуждается в их внимании. Однако путешествие по комнате Глеб совершает не с Лерой или со своей будущей женой, а с человеком из детства — Собачкой: Зайцев показывает, что в жизненных испытаниях забота и понимание бывают важнее страсти.

Путешествие проходит в ограниченном закрытом пространстве, но проецируется на большие просторы. Усадебная комната расширяется до целого мира. Читатель понимает, как бесконечно дорога Глебу усадебная жизнь, которая навсегда останется для него идеалом, однако его предназначение требует выхода в большой мир. Два желанных для Глеба образа жизни несовместимы: усадебное прошлое отступает не только в процессе взросления героя, но и в ходе смены общественного строя, исторических перемен. Однако то, что невозможно в реальности, легко сочетается

---

²⁹ Беккер И.Л. Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способ самопознания и бытия человека. С. 7.

³⁰ Адамович Г. Борис Зайцев. С. 449.

в обряде инициации: усадебная комната расширяется, путешествие Глеба и Собачки переносит их в новые места.

Воплощая мотив путешествия, Зайцев во многом ориентировался на русских классиков, прежде всего Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. С Гоголем Зайцева и его героя сближает готовность уехать из России в Италию (при этом оставаясь русским и увозя с собой «русский дух»). Отдаленное сходство между путешественниками Чичиковым и Глебом — в тяге к расширению жизни и поиску своего «я». Однако последний не делец, а созерцатель, философ и поэт. В ряде настроений и состояний Глеб схож с Нехлюдовым, героем толстовского «Воскресения». Мы уже писали о том, что

Нехлюдов ощущает себя путешественником именно тогда, когда решает тяжелый вопрос об отдаче части земли в наем крестьянам по сравнительно низкой цене, ограничивает свои доходы и облегчает положение крестьян³¹.

То же можно сказать о Глебе. Как и Нехлюдов, герой тетралогии Зайцева, стремясь к новому, боится расстаться с усадебным прошлым.

Н.И. Пак считает, что в тетралогии Зайцева более важен не социальный аспект, а духовная составляющая

жизни человека, которая позволяет создать «Вертоград заключенный» (или “*Hortus conclusus*”) и в степной Башанте (семья сестры Глеба Лизы), и в московской квартире, и в эмиграции, где оказались Глеб и Элли³².

Соглашаясь с этим высказыванием, добавим, что, по Зайцеву, для создания усадебной атмосферы в доме на новом месте необходимы время и силы. Уют, покой и особая смысловая содержательность усадебной жизни в сюжетной линии главного героя тетралогии складываются благодаря многим факторам: удачному расположению усадьбы, наличию хороших соседей, правильной организации быта, домашнему чтению и душевным разговорам. Так, «чрезвычайно значим для процесса самоидентификации персонажей круг их чтения»³³:

---

³¹ Андреева В.Г. Мотив пути и образ путешественника в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 24.

³² Пак Н.И. Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». С. 233.

³³ Лазарев А.А. Художественные стратегии самоидентификации в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Заметки ученого. 2021. № 2. С. 300.

Без <...> чтения, часто чтения вслух, невозможно представить себе усадьбную культуру, общие встречи в гостиных. Эта важная часть усадьбного времяпрепровождения разнообразно отразилась в прозе Зайцева³⁴.

Отец Глеба много читает, чаще всего классиков. Сам Глеб, воспитанный в усадьбе, окруженный любовью близких, с раннего детства одновременно чувствовал малый домашний круг, ограниченный комнатами, и постигал другие части пространства:

Чтение газеты «Русские ведомости» — одно из ежедневных занятий отца главного героя тетралогии «Путешествие Глеба». С детства, со времени жизни в Устах, привыкает к естественности такого времяпрепровождения и Глеб...³⁵

В эпизоде путешествия Глеба по комнате не сказано о том, куда именно отправляются герой и Собачка, да это и неважно. Несмотря на имплицитный образ России, путешествие Глеба абстрактно — как открытие неизведанного в других и в себе. Выбор дороги как способа существования в беспокойное для страны время не случаен. Так, например, А.А. Григорьев в письме к Н.Н. Страхову от 12 сентября 1861 г. признавался:

Знаешь, когда я всего лучше себя чувствовал? В дороге. Право, если бы я был богат, я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках Божиих, а не в руках человеческих³⁶.

В ходе путешествия по комнате Глеб начинает понимать, что его человеческая и писательская судьба не в руках редактора-народника, который отверг его статью, но в руках Бога.

Интересно, что мотив путешествия является одним из ключевых и в автобиографическом романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь» (1927), причем там встречается сходный эпизод *мысленного*, «*виртуального*» *путешествия героя*. Скорее всего, Пришвин, как впоследствии Зайцев, обратился к тому же источнику — книге Ксавье де Местра. Курымушка с детства одержим страстью к перемене мест, поиском «настоящей жизни» вдали от дома:

---

³⁴ *Скорыходов М.В.* Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 190.

³⁵ Там же. С. 195.

³⁶ *Григорьев А.* Письма / изд. подг. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 263.

Курымушка все раздумывал, что это значит — быть знаменитым путешественником. Явилась перед ним какая-то страна еще без имени и без территории; вот там, в этой стране, думал он, и есть настоящая жизнь, а тут у нас жить не стоит, тут — ненастоящее³⁷.

В тюрьме пришвинский Алпатов совершает в своем воображении увлекательное путешествие на север, стремясь психологически преодолеть унизительное заточение в маленькой одиночной камере:

Он выдумал себе будто-путешествие к Северному полюсу, где, хирея над золотом, сидит Кашей Бессмертный. Он высчитает приблизительно, сколько диагоналей комнаты потребуется на все путешествие до Полюса. Он будет все время считать, значит, ему кажется, что он не помешается и все передумает, о чем читал, что видел в жизни, это будет внутреннее путешествие взамен настоящего³⁸.

У Пришвина, как потом и у Зайцева, само название романа связано с эпизодом воображаемого путешествия. Писатель видит сходство между настоящим путешествием и детской игрой в стремлении к достижениям и открытиям, в непреодолимой воле к победе:

Какая же сила двигала его рукой в последний момент, когда он записал последнюю цифру? Не эта ли самая сила является в бедной комнате без всяких игрушек, когда мать, отправляясь на рынок, запирает своего ребенка? Поскучает, поплачет мальчуган, потом берет полено, другое, третье, складывает что-то и говорит: «Пусть это будто-пароход». <...> А почему же и юноша в тюрьме, предпринявший внутреннее путешествие, шагая из угла в угол, будто к Полюсу для освобождения человечества от Кашеевой цепи, меньше герой, чем путешественник к настоящему Полюсу, где тоже нет ничего, кроме сказки и льда?³⁹

При сопоставлении соответствующих фрагментов из романов Пришвина и Зайцева становится понятно, что внутренний смысл воображаемых путешествий один и тот же — это обряды инициации юношей, стоящих на пороге самостоятельности. Герой Пришвина,

---

³⁷ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 2. С. 69.

³⁸ Там же. С. 228.

³⁹ Там же. С. 228–229.

став «будто путешественником», <...> совершает «внутреннее путешествие взамен настоящего», благодаря чему обретает спокойствие и душевное равновесие. Внутреннее путешествие требует напряжения душевных и интеллектуальных сил. Самое главное: он становится свободным в тюремной камере-одиночке, в которой продолжают поиски «страны обетованной»: «...он идет к Северному Полюсу, ... плетется в свою какую-то землю обетованную». Алпатов понимает, что это начало нового витка, нового круга жизни с ее вопросами, тайнами и загадками⁴⁰.

По нашему мнению, оба писателя стремятся вывести героев не только на уровень борьбы за благополучие родной страны, но и на уровень межнационального общения, понимания условности многих границ и стереотипов, веры в духовное братство людей. Кроме того, в тетралогии Зайцева «усадебный топос» включает в себя дорогу к вере:

Воплощающим православную художественную идею произведения является образ путешествия — как физического, географического, так и духовного, к обретению веры, — в которое оказываются вовлечены и главный герой, и другие персонажи тетралогии⁴¹.

Путешествие Глеба с Собачкой — пролог к долгим будущим странствиям. Зайцев повествует о приобретении отцом и сыном имения Прошино. Оба очарованы маленьким, заброшенным домом, который окружен прекрасной природой. Очевиден автобиографический характер посвященных этой усадьбе страниц — прототипом Прокшина стало имение Зайцевых Притыкино в Тульской губернии:

Константин Николаевич поселился в Притыкино помещиком, Борис Константинович зимой в имении родителей бывает наездом, летом живет подолгу. В хозяйственные дела он входит мало, весь в себе, деревенской жизни еще не ценит и не понимает, в этой милой усадьбе ему часто становится скучно⁴².

---

⁴⁰ *Лишова Н.И.* Мотив пути в романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь»: композиционно-структурное своеобразие // ФИЛОЛОГОС. 2011. № 1 (8). С. 53.

⁴¹ *Лысенко Л.А., Кульшишева О.М.* Образ православной России в автобиографических произведениях И.С. Шмелева «Лето Господне» и Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2019. С. 147.

⁴² *Пантелеев И.В.* Становление христианского мировоззрения Б.К. Зайцева в имении Притыкино (1901–1922) // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та

Зайцев с болью осознает, что усадебная жизнь России XIX – начала XX в. близится к финалу. Нерадостные заботы, скука становятся индикатором необходимости перемен. У Глеба еще есть силы на путешествия, свое дело, есть ощущение нужности, а вот отец, переехавший в свой последний дом, потихоньку угасает:

Думая, что в деревне будет жить вольной и милой сердцу помещицкой жизнью, отец ошибался: ни широты, ни общества, как в Людинове, ни занятого дела не оказалось. Хозяйство скромнейшее, охота плохая. Завел было гончих, выезжал с Кноррером, но и из этого ничего не вышло. Он старел и мрачнел. Уходила веселость, остроумие молодости⁴³.

Итак, «тетралогия Зайцева представляет собой историю постепенных утрат — сначала отчего дома, а в конечном счете и символически репрезентируемой им России»⁴⁴. Глеб «находится в состоянии перманентного перехода»⁴⁵. Конечно, герой Зайцева теряет дом, подобно многим представителям русской интеллигенции в революционные годы. И Глеба, и его жену Елену тянет на родину. Однако, как и у Пришвина в «Кашеевой цепи», цель и смысл путешествия в тетралогии Зайцева выходят за пределы России. Алгоритм путешествия-инициации по усадебной комнате писатель распространяет на будущие испытания героя в широкой жизни: несмотря на потерю родителей, родины, родной усадьбы Глеб сохраняет готовность жить и созидать.

Список литературы

Исследования

- 1 *Андреева В.Г.* Мотив пути и образ путешественника в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 17–26.
- 2 *Андреева В.Г.* Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 144–154.

им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 98.

⁴³ *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. С. 426.

⁴⁴ *Млечко А.В.* Мифосимволика пути в тетралогии Бориса Зайцева «Путешествие Глеба» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2021. № 1 (20). С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 10.

- 3 *Беккер И.Л.* Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способа самопознания и бытия человека // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 7–11.
- 4 *Жаравина Л.В., Лазарев А.А.* Духовная картография Б.К. Зайцева: Иеротопия в тетралогии «Путешествие Глеба» // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2021. № 2 (155). С. 180–187.
- 5 *Кокovina Н.З., Степанова Н.С.* Проблема самоидентификации личности в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Ученые записки Российского гос. социального ун-та. 2011. № 4 (92). С. 165–170.
- 6 *Компанец В.В.* Герой, дом, путь в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 38–45.
- 7 *Лазарев А.А.* Художественные стратегии самоидентификации в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Заметки ученого. 2021. № 2. С. 297–302.
- 8 *Лишова Н.И.* Мотив пути в романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь»: композиционно-структурное своеобразие // PHILOLOGOS. 2011. № 1 (8). С. 48–54.
- 9 *Лысенко Л.А., Култышева О.М.* Образ православной России в автобиографических произведениях И.С. Шмелева «Лето Господне» и Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». Нижневартговск: Изд-во Нижневартговского гос. ун-та, 2019. 193 с.
- 10 *Млечко А.В.* Мифосимволика пути в тетралогии Бориса Зайцева «Путешествие Глеба» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2021. № 1 (20). С. 5–17.
- 11 *Пак Н.И.* Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 225–234. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2).
- 12 *Пантелеев И.В.* Становление христианского мировоззрения Б.К. Зайцева в имении Притыкино (1901–1922) // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 98–101.
- 13 *Слободина В.А.* «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра в творческом осмыслении А.С. Пушкина // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 133–136.

- 14 *Скороходов М.В.* Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4).
- 15 *Чеснокова Л.В.* «Комната для себя»: локальный аспект приватности // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 1. С. 57–61.

Источники

- 16 *Адамович Г.* Борис Зайцев // *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 7. С. 445–457.
- 17 *Григорьев А.* Письма / изд. подг. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 500 с.
- 18 *Зайцев Б.К.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 4. 620 с.
- 19 *Ксавье де Местр.* Путешествие вокруг моей комнаты / пер. с фр. и вступ. ст. Ф.И. Смирнова. М.: Грейта, 2003. 157 с.
- 20 *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 2. 680 с.